

УДК 81.411

**ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ МАСОК В ЖАНРЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЦЕНЗИИ
(на материале «Литературной газеты»)**

© 2014 г.

А.Н. Морева

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

linguanastya@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.04.2013

Анализируются речевые маски, используемые авторами литературно-критических рецензий в качестве одного из коммуникативных ходов, реализующих тактику самопрезентации. Предпринимается попытка классификации речевых масок на основе типа взаимоотношений, моделируемых между автором и адресатом. Делаются выводы о функциональной значимости использования данного коммуникативного хода в жанре литературной критики.

Ключевые слова: литературно-критическая рецензия, категория автора, тактика самопрезентации, коммуникативный ход, речевая маска, статус автора.

Одной из центральных текстовых категорий является образ автора, который выполняет организующую функцию по отношению к другим составляющим текста. Реализация данной категории в литературной рецензии обусловлена спецификой жанра, предполагающего изложение собственного видения художественного произведения и его аргументированную оценку. При этом важно убедить в собственной точке зрения читателя, которому, как отмечают современные исследователи, важно не только что говорится, но и кто об этом говорит. Соответственно, сила воздействия текста рецензии во многом зависит от того, каким образом в нем реализована тактика самопрезентации критика.

Одним из важных коммуникативных ходов, реализующих тактику самопрезентации, является **надевание маски** [3]. Этот ход активно используется в анализируемых нами текстах, отличаясь разнообразием представленных образов. Целью данной статьи является создание типологии речевых масок, представленных в текстах литературных рецензий, а сопутствующими задачами – описание способов языковой репрезентации коммуникативного хода «речевая маска» и определение его функциональной значимости в рамках данного жанра.

В качестве источника языкового материала выбрана «Литературная газета» (2008–2012 гг.), ориентированная на массового читателя. Соответственно на этот тип читателя рассчитаны и публикуемые в данной газете литературные рецензии. На наш взгляд, это влияет на разнообразие используемых речевых масок, поскольку такой коммуникативный ход повышает занимательность чтения, что делает издание более привлекательным для массового читателя.

Речевая маска (РМ) – это ролевое перевоплощение автора, которое выражается через имитацию чужого речевого поведения. При этом «говорящий не заботится о полном воспроизведении чужой речи, он лишь бросает отдельные яркие мазки, наиболее характерные приметы чужого голоса» [2, с. 180]. Речевая маска, являясь одним из речевых ходов самопрезентации автора рецензии, связана с игрой на повышение или понижение собственного статуса, с одной стороны, и статуса адресата – с другой. Последний может позиционироваться как массовый читатель, автор рецензируемого произведения, редактор, корректор или другой критик. При этом возникают три типа взаимоотношений критика с «адресатом»: статус критика выше статуса «адресата», равен ему, ниже статуса «адресата» [1]. Имеющийся у нас фактический материал позволил наметить типологию речевых масок, моделирующих указанные отношения в текстах литературной критики.

I. Речевые маски, работающие на повышение статуса критика: *врач, учитель, родитель, библиофил*. Надевая эти маски, критик выступает как доминирующее лицо в акте коммуникации, при этом каждой из них, за исключением маски *библиофил*, соответствует парная маска, под которой в текст вводится объект критики или 2-е лицо – участник воображаемого диалога.

Отметим, что наличие парных масок обусловлено спецификой понятийного содержания тех существительных, которые выступают в роли «имени маски». Так, существительные *врач, учитель, родитель* и подобные обозначают лицо по его социально-семейному статусу относительно **другого лица**, поэтому презумпцию этих слов составляет наличие этого лица и

соответственно – парной номинации: *пациент, ученик, ребенок* и подобные. Таким образом, для обозначения парных масок используются антонимы-конверсивы. А такие существительные, как *библиофил, зануда, протачок* (последние две речевые маски будут проанализированы в дальнейшем), представляют собой оценочные имена, обозначающие лицо по характерному для него качеству, поэтому их смысл не обязательно предполагает коррелирующее лицо.

РМ «Врач – пациент» (критик – объект критики). Одной из задач врача является диагностика заболеваний пациентов, назначение лечения. Сходная задача стоит и перед критиком: выявить сильные и слабые стороны анализируемого произведения, а иногда и указать возможные пути преодоления последних. В связи с этим анализ литературного произведения подается как процесс исследования симптомов больного организма и постановки диагноза, а автор рецензируемого произведения выступает в роли пациента. На языковом уровне созданию речевой маски врача способствует использование профессионализмов и слов соответствующей тематической группы:

Всё в новой книге А. Иличевского указывает на то, что она написана в особом состоянии сна (полусна, бреда), полубреда. Сам ли этот трансовый слог провоцирует самогипноз писателя или наоборот, но впечатление «отпущенности» тут абсолютно стойкое. Первый симптом этого «заболевания» перманентным верлибром – полный крах сюжета. Писатель просто перестал сопротивляться хаосу, который поджидает всякого, кто высокомерно машет рукой на реальность и её (якобы) «фотографирование». (...) Пока же после потери части крови он бормочет сквозь сон: «Ответа нет, вокруг всё сон и сон во сне, и день за днём туман...» (В. Яранцев. Сквозь сон. ЛГ. 2008. № 48).

РМ «Учитель – ученик» (критик – объект критики/читатель). Дидактическая функция – одна их важнейших в профессии критика. Основным средством создания данной маски являются глаголы с императивной семантикой, лексика с модальной семантикой типа *надо, можно, нужно, должны*; имплицитные утверждения с модальной семантикой в форме вопросительного предложения (*Почему бы не...*), придающие повествованию назидательный тон. Обычно маска учителя обращена к массовому читателю, который по профессиональной подготовке уступает рецензенту:

Перечитайте Толстого, Бунина, Чехова. Хоть в двадцать пятый раз. Не верьте пустой

болтовне, не верьте холодному уму. Бижутерии при всём своём блеске никогда не стать золотом.

Верьте сердцу. Оно не обманет. (А. Златова. Поролоновая яма. ЛГ. 2011. № 35).

Однако в определенных случаях критик использует данную маску, обращаясь к автору рецензируемого произведения, якобы недостаточно опытному в тех или иных вопросах:

Уважаемые авторы журнала «Москва»! Оставьте ваши карательные экспедиции в советское время! Оно было и прошло. Наступило иное время. И чтобы писать о нём, нужно не меньшее мужество (и, естественно, талант), чем проявляли советские писатели, когда писали о своём времени. (Д. Черепанов. Обманутые ожидания. ЛГ. 2009. № 27); *Почему было не перевести просто «прыгучий»? (А. Яковлев. Маглы, шмаглы... были бы здоровы! ЛГ. 2009. № 16); Это вовсе не означает сознательного копирования, но такова частая беда начитанного человека, взявшегося за собственную книгу. Надо было подождать, пока материал отлежится, а мысли успокоятся. Ведь могло бы получиться очень хорошее произведение. Отлежаться бы этому роману в столе у автора, определиться с целевой аудиторией и не предлагать подросткам сложную «филологическую» прозу, да ещё к хорошему редактору попасть – вот и не пришлось бы затыкать водопад носовым платком, как сказано в одном из эпизодов. И была бы достойная книга. А так – фальстарт получился.* (О. Шатохина. Фальстарт, или Как заткнуть водопад ЛГ. 2009. № 36).

РМ «Родитель – ребенок» (критик – объект критики). Эта пара максимально близка предыдущей, однако специфика данных отношений предоставляет автору свободу выбора способов речевого воздействия. Сигналом использования данной маски может служить лексика, относящаяся к сфере межличностных отношений родителя и ребенка:

Собственно, уже за одну фразу из рекламного послания о книге Сергея Самсонова «Аномалия Камлаева» следовало бы, как советовал классик, массировать копчик известным предметом домашнего обихода. То бишь пороть за утверждение: «Произведения такого масштаба Россия не знала давно». (...) Уф-ф! Опять пороть. И два раза: за беспощадное злоупотребление читательским вниманием и за употребление имени Господа всуе. (А. Яковлев. После царского житья. ЛГ. 2009. № 7).

РМ «Библиофил». Статус этой маски основан на том особом уважении книжной культуры, которое характерно для русской ментальности в целом. Воздействующая функция обу-

словлена прогнозируемым доверием читателя к мнению человека, для которого книга представляет жизненную ценность:

Я очень люблю именно русский рассказ как жанр совершенно неповторимый в мировой литературе, но, к сожалению, в последние годы он как-то оказался в загоне.

Года три назад тоже из «ЛГ» узнал об антологии прозы журнала «Наши современники» «Российские дали». Потом я увидел этот двухтомник в костромской библиотеке, взял почитать. Там тоже были очень приличные рассказы, в том числе совершенно неизвестных мне современных писателей – Л. Сычёвой, Я. Шипова, В. Бутенко, А. Карышева, В. Мануйлова, А. Панкратова, Л. Ющенко, А. Байбородина, А. Фуфлыгина, Н. Агафонова. В общем, я получил удовольствие. А главное, убедился – русский рассказ жив.

Но «Русского рассказа» авторов журнала «Москва» я у нас в библиотеке достать не смог. Там и не знали про такой. Тогда я попросил приятеля, часто бывающего по делам в Москве, купить мне эту книгу. Он сумел приобрести её только в книжной лавке самого журнала «Москва» на Арбате, что обошлось ему (а точнее, мне) в сумму около шестисот рубликов.

Ну да ладно – на хорошую книгу в конце концов и таких денег не жалко. «Литгазета» посулила: «Очень не похожие по тематике и настроению рассказы тем не менее представляют гармоничный литературный ансамбль, открывающий читателю жизнь нашей страны в разные периоды прошлого века». Открыл я книгу, пролистнув советский период (это мы всё знаем), предвкушая несколько вечеров увлекательного чтения... (Д. Черепанов. Обманутые ожидания. ЛГ. 2009. № 27).

На языковом уровне данная речевая маска создается за счет включения в текст рецензии «субтекста», в котором моделируется типичное поведение «любителя книги»: отношение к книге (люблю, получил удовольствие, предвкушая несколько вечеров увлекательного чтения); усилия по добыванию книг (узнал → увидел → взял почитать; достать не смог → попросил купить → обошлось в сумму... → на хорошую книгу денег не жалко).

II. Речевые маски, использующиеся для создания равноправных отношений между критиком и читателем: *интернет-пользователь, читатель*. Данные маски пар не образуют, так как критик и читатель соединяются в едином образе: мнения, суждения, оценки подаются рецензентом с позиции читателя. Критик является частью читательской аудитории.

PM «Читатель». Каждый рецензент прежде всего читатель художественного произведения, что, с одной стороны, сближает его с адресатом, а с другой – позволяет показать возможности разного восприятия одного и того же произведения разными по индивидуально-психологическим, социальным параметрам читателями. Исходя из этого на «читателя» навешивается определенный ярлык: «ироничный», «квалифицированный», «черствый», «добросовестный», «вдумчивый», «деликатный»; «консерватор», «либерал», «выходец из естественнонаучной среды» и др. Выбор каждого из них обусловлен установкой критика, его коммуникативным намерением:

Добросовестный читатель, конечно, постарается ужаснуться при виде маленького закопченного городка, где «одинокие фонари раскачивались от снежной крупы, освещая неширокие улицы, заметённые снегом по горло, до резных наличников, до наглухо закрытых форточек». И тут же споткнётся этот Добросовестный, растеряв благие намерения, поскольку трудно представить себе, чтобы населённый пункт при вроде бы немаленьком заводе, работающем день и ночь, был вот так засыпан снегом. (...) Ироничный читатель, оценив словесный выверт, хмыкнет: «Где у улицы горло?» (...) Пока Ироничный читатель хохочет, вспомнившая хрестоматийный «стремительный домкрат», Добросовестный смущённо информирует автора и редактора «Чуда», что порошей называется слой свежесыпавшего снега, который в отличие от метели, бурана и прочих ветров выть категорически не способен. (О. Шатохина. Под вой ледяной пороши. ЛГ. 2009. № 15); Консерватор вынесет суровый приговор пустопорожней интеллигентской говорильне – «надо работать, страну с колен поднимать, а эти всё ля-ля, ля-ля!» Для его либерально мыслящего оппонента вся книга – горький вздох о том, что в авторитарном государстве любая общественная дискуссия – не более чем вода, уходящая в песок. Выходец из естественнонаучной среды поставит герою и автору диагноз – «синдром дефицита внимания и гиперактивности». И последнее, наверное, будет недалеко от истины – во всяком случае, в отношении писателя Гдова. (В. Титов. Книга воды (толчённой в ступе). ЛГ. 2012. № 29).

Данный прием может быть использован и с целью отстранения критика от высказываемой оценки в силу ее излишней прямолинейности, некорректности:

Эти главы умирания, надо признаться, начинают действовать на читателя самым неожиданным образом. Умер бы он наконец! – думает чёрствый читатель. (Т. Морозова. Энд. Зато хеппи. ЛГ. 2009. № 3–4).

PM «Блогер». В последнее время все чаще возникают споры о существовании так называемой интернет-литературы. Обсуждение этой проблемы требует погружения в соответствующую сферу и понимания всех ее тонкостей, в том числе овладения словарным запасом интернет-пользователей. Данная маска, которую создает употребление в авторской речи типичной для блогеров лексики, делает критика «своим» и повышает степень доверия к выносимым оценкам:

Плох тот активно пишущий блогер, который не мечтает поддержать в руках свежезданную книгу, пройдя (или проскочив) ряд препятствий.

Уже много тысяч френдов назад покорился барьер «блогер-тысячник». Всё меньше и меньше бестолково затянутых текстов. В обильные комменты ломятся заранее восторженные читатели и бодрые тролли. И если в этот момент автора не достигают лавры колумниста, то усталость и брезгливость могут попытаться накрыть сетевого публициста с головой. Но и этот период минует. (Т. Фирстон. Книга для светлых шатенок. ЛГ. 2012. № 6).

Рассуждая о современных пишущих блогерах на их же языке, автор статьи целенаправленно убеждает читателей в своей компетентности, что позволяет ему с полным правом обсуждать книгу популярного в блогосфере писателя Марты Кетро, вышедшую в свет под названием «Книга для светлых шатенок»:

Но если вы не купите и не прочитаете – то ничего не потеряете. Всё это есть в блоге. Так же бесструктурно, так же потоково, бессознательно. (Т. Фирстон. Книга для светлых шатенок. ЛГ. 2012. № 6).

Автор рецензии жестко оценивает качество «бумажной копии фрагмента блога для светлых шатенок», и читатель, скорее всего, склонен будет согласиться с данным суждением, так как высказывается оно человеком из круга «своих» и претендует на объективность в силу созданной доверительной ситуации общения.

III. Речевые маски, играющие на понижение статуса критика: *ребенок, свидетель, простачок, зануда*. Две первые образуют пары; две последние корреляты не имеют.

PM «Ребенок – взрослый» (критик – объект критики). Надевая маску ребенка, критик имитирует низкий интеллектуальный уровень и тем самым снимает с себя ограничения, накладываемые коммуникативной ситуацией и постулатами общения, дает себе определенную свободу выбора средств и способов выражения (используется детская грамматика, «невинные» вопросы):

Для начала об отмеченной всеми стилистической безупречности. Вот, навскидку, из рас-

каза «Плохой мальчик 4» с надзаголовком «Правила и нормы» (да-да, именно с надзаголовком, да ещё и в большинстве случаев выписанным на иностранном языке, для продвинутых): «...но плохой мальчик пожимал плечами, поворачивался и уходил, в душе хохоча inferнальным смехом». Простите, дяденька, за невежество: а можно ещё чем-то хохотать, кроме как смехом? Но, очевидно, именно подобные неуклюжие конструкции и являются в глазах досточтимых критиков «образцами стилистически безупречного письма». (А. Яковлев. Шалун уж отморозил. ЛГ. 2010. № 16–17).

Маска ребенка создает ассоциацию с прецедентным образом из сказки Г. Х. Андерсена о голом короле: наивный взгляд ребенка видит истину, которую скрывает лицемерие взрослых (в приведенном примере – все отметили стилистическую безупречность рецензируемого рассказа). В данной рецензии за маской ребенка скрывается насмешка критика.

PM «Свидетель – следователь» (критик – читатель). Изложение анализа художественного произведения преподносится в виде следственных показаний. Такая форма отсылает нас к недавнему прошлому, когда писатели, создававшие неугодные правительству произведения, подвергались репрессиям. Разговор следователя и свидетеля предполагает максимальную правдивость, откровенность, чистосердечность последнего, поэтому мысли, высказываемые в такой форме, должны заслужить максимальное доверие читателя:

Я, товарищ следователь, Пелевина не читал. Лет пять уже. Так что у меня глаз не замылен. Вы других рецензентов не слушайте – я вам как на духу...; Как, вы спрашиваете, это случилось? Исключительно из уважения и любви. Разошлись характерами. А с тем, кого любишь, не станешь без любви жить, правильно?..; Какое «исписался», какие самоповторы? Ни на ни-ни. Мы ведь, когда вечером приходим домой, хотим, чтобы тапочки стояли внизу слева, а выключатель нащупывался справа на уровне плеча, разве нет? То же самое и с книгами любимого писателя. Нет, тут дело в другом. «Ваучер», «авизо», «гэ-ка-о», «ипотечный кризис»... Где ты, пена минувших дней? А ведь когда-то всё это казалось настоящим и важным... Вот так, дорогой гражданин следователь, и вышло, что больше мы Пелевина не читаем. (Л. Пирогов. Кормление мясорубки. ЛГ. 2008. № 45).

PM «Простачок». С целью негативной презентации объекта рецензии критик может прикидываться простачком, пытающимся найти в произведении глубокий смысл, но не понимающим

даже простых вещей в силу своей мнимой необразованности. Созданию данного образа способствует использование разговорно-просторечной лексики и разговорных конструкций:

Не знаю, как там у Дёмина и Лихолитова с продажами, но по крайней мере несколько десятков таких же, как я, простаков безрезультатно ломали головы над «Наму». И не были вознаграждены ничем. (К. Булыгина. Руководство для «живущих писаниной». ЛГ. 2011. № 29); Читаешь Степнову – и слёзы брызжут из глаз: чего только нет там! И баклажанчики, и чеснокок, и перчик огневой, а свеколка-то взята самолучшая, термоядерная: тронешь – хрустит, а морковь пицчала ещё, как её в чан сажали, а сметана мычала: му-у, и раки там донские, и осётры царицынские, и астраханские арбузы на дастархане, – ешь и плачешь, и по усам течёт, и слёзы твои тоже в этом борще. Спасибо, что не усы. (Л. Пирогов. Двое в юбке, не считая грамматики. ЛГ. 2011. № 41).

РМ «Зануда» создается при помощи сознательного увеличения числа вопросительных конструкций:

И почему непременно надо привлекать английский названием? И почему в ряде рассказов свободно присутствует ненормативная лексика? И почему среди авторов в подавляющем большинстве представители так называемого либерального лагеря? И почему... И т. д. (...) Тогда что такое семь метров? Вновь загадочное в предисловии: «Психологи и социологи (именно так, и даже вынесли цитату в анонс! – А. Я.) считают, что в западной культуре человек не воспринимает события, объекты и субъекты, находящиеся на расстоянии семи метров и далее, как относящиеся к нему лично». Так вот почему Organic Prose? Потому что «в западной культуре»? Но, позвольте, ни одного западного писателя в сборнике нет. Серьёзно, не сочтите занудой, но охота уже просто и тупо разобраться. Иначе чего ради я читал эти криптограммы?(...) И вновь вопрос: а

сборник чего перед нами? (А. Яковлев. Из жизни неправильных рассказов. ЛГ. 2010. № 9).

Традиционно вопросно-ответная форма используется для придания динамичности повествованию, однако в данном случае происходит скорее затягивание развития сюжета, вопрошание об одном и том же. Обилие вопросов к художественному произведению призвано подчеркнуть его несостоятельность, невнятность, непродуманность.

Итак, представленная нами типология свидетельствует о довольно большом разнообразии речевых масок, реализующих тактику самопрезентации автора. Выбор конкретной речевой маски обусловлен коммуникативным намерением критика. Маски, играющие на повышение статуса автора с одновременным понижением статуса адресата, обычно используются для прямого указания на существенные недостатки рецензируемого произведения, а иногда и на способы их устранения. Для создания доверительной ситуации общения критик часто надевает маску обычного читателя. Статусное равенство с адресатом текста позволяет ненавязчиво продемонстрировать различные интерпретации художественного произведения и на этом фоне утвердить свою (как правило, с негативным оттенком). С целью скрытой негативной презентации объекта рецензии, для создания ироничного подтекста, насмешки и даже сарказма используются маски, играющие на понижение статуса говорящего.

Список литературы

1. Ермошин Ф.А. Автор и читатель в публицистике Ф.М. Достоевского 70-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 263 с.
2. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест. М.: Наука, 1983. 238 с.
3. Марьянич В.А. Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. № 6. Журналистика. С. 138–144.

TYPOLOGY OF «SPEECH MASKS» IN THE GENRE OF LITERARY REVIEWS (BASED ON THE MATERIALS OF THE «LITERATURNAYA GAZETA»)

A.N. Moreva

This article presents an analysis of speech masks used by the authors of literary reviews as one of the communicative devices that implement the tactics of self-presentation. An attempt at classification of speech masks is based on the type of model relationships between the author and the addressee. We draw the conclusion regarding the functional significance of the use of this communicative device in the genre of literary review.

Keywords: literary criticism, category of the author, self-presentation tactics, communicative device, speech mask, status of the author.

References

1. Ermoshin F.A. Avtor i chitatel' v publici-stike F.M. Dostoevskogo 70-h gg. XIX v.: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009. 263 s.
2. Zemskaja E.A. Russkaja razgovornaja rech': Fonetika, morfologija, leksika, zhest. M.: Nauka, 1983. 238 s.
3. Mar'janchik V.A. Rechevaja maska v strukture obraza avtora publicisticheskogo teksta // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, filologija. 2010. T. 9. Vyp. № 6. Zhurnalistika. S. 138–144.